

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Падающие звезды

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Падающие звезды: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 353 с.

ISBN 978-5-519-95156-2

ISBN 978-5-519-95156-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

круглые?—спрашивалъ Бургардтъ, покачиваясь,— Совершенно круглые, какъ у кошки...

— Потому что я вѣдьма,—бойко отвѣтила она, не поворачивая головы.

— Дѣйствительно... — согласился добродушно Бургардтъ. — Удивительно, какъ я этого раньше не замѣчалъ... Совершенно вѣдьма!..

Эта маленькая сцена вызвала общій смѣхъ. Даже улыбнулся Красавинъ, а этого было достаточно, чтобы всѣмъ сдѣлалось весело. Сахановъ хохоталъ какимъ-то визгливымъ бабьимъ голосомъ, показывая свои гнилые зубы. Актеръ Бахтеревъ хохоталъ, запрокинувъ голову, а сидѣвшая рядомъ съ нимъ натурщица Шура улыбалась просто изъ вѣжливости, потому что никогда не понимала шутокъ. Смѣялся извѣстный „другъ артистовъ“ Васяткинъ, ему вторилъ не менѣе извѣстный любитель Петюковъ и только хмуро молчалъ капитанъ Шпилевъ, неизмѣнный другъ Красавина.

Бургардтъ посмотрѣлъ на всю компанію осоловѣвшими глазами и, махнувъ рукой, направился къ двери.

Онъ шелъ по какому-то корридору, состоявшему изъ хлопавшихъ дверей и „услужавшихъ“ татаръ, потомъ спустился по какой-то лѣстницѣ, прошелъ мимо буфета и очутился въ чухомъ садикѣ съ большой утрамбованной площадкой. Вездѣ горѣли разноцвѣтные фонарики, сверху лился раздражающей волной мертвый электрическій свѣтъ, передъ открытой эстрадой игралъ плохонькій оркестръ. Бургардтъ мечталъ о маленькомъ балкончикѣ, который вытянулся надъ

самой водой, но ему мѣшалъ идти какой-то господинъ въ котелкѣ.

— Милостивый государь, держите налѣво, — грубо замѣтилъ Бургардтъ.

— А вы держите направо! — не менѣе грубо отвѣтилъ котелокъ.

Это разозлило Бургардта. Онъ остановился передъ котелкомъ въ угрожающей позѣ и, тыкая себя въ грудь, съ пьянымъ азартомъ проговорилъ:

— Я — Бургардтъ... — понимаете? Скульпторъ Бургардтъ...

Котелокъ остановился, дерзко смѣрялъ съ головы до ногъ знаменитаго скульптора и отвѣтилъ:

— Очень радъ... Имѣю честь рекомендоваться въ свою очередь: фабрикантъ Ивановъ... У меня фабрика никелированія живыхъ ершей.

Отвѣтъ былъ достоинъ того мѣста, гдѣ былъ данъ. Бургардтъ почувствовалъ чисто кабацкое оскорбленіе и поднялъ руку, но въ этотъ моментъ кто-то почтительно удержалъ его сзади.

— Ваше сіятельство, не извольте беспокоиться.

Когда Бургардтъ оглянулся, передъ нимъ стоялъ лакей, татаринъ Ахметъ. Особенно дорогіе гости были распределены между прислугой „Кружала“, и Ахмету достался Бургардтъ, извѣстный между служащей татарской челядью подъ кличкой „профессора“.

— Мадамъ ждетъ, ваше сіятельство... — бормоталъ Ахметъ.

— Какая мадамъ?

— Марина Игнатьевна... Онѣ сидятъ на балкончикѣ...

Взрывъ энергіи у Бургардта смѣнился разомъ

какой-то мертвой усталостью. Онъ повернулся и покорно зашагалъ къ главному зданію, иллюминированному разноцвѣтными шкаликами и электрическимъ солнцемъ.

— А ты знаешь Ольгу Спиридоновну? — спрашивалъ онъ, по пьяной логикѣ возвращаясь къ давешней сценѣ.

— Помилуйте-съ, кто же ихъ не знаетъ-съ, ваше сіятельство...

— Она—вѣдьма, Ахметка... да.

Поднимаясь по лѣстницѣ, Бургардтъ нѣсколько разъ останавливался и спрашивалъ:

— Ты кто такой?

— Услужаящій, ваше сіятельство...

Они опять шли по корридору съ хлопающими дверями, опять сторожившіе въ корридорѣ татары почтительно давали имъ дорогу, пока Ахметъ не распахнулъ дверь, выходившую на небольшой балкончикъ, гдѣ сидѣла дама, кутавшаяся въ шелковый китайскій платокъ.

— Ахметъ, ты можешь уходить... — устало замѣтила она.

— Слушаю-съ...

— Подожди... Ты дашь сюда содовой воды и...

— Понимаю, ваше сіятельство.

Она усадила Бургардта на стулъ, пощупала его горѣвшій лобъ, поправила спутавшіеся волосы и заговорила покровительствующимъ тономъ старшей сестры:

— Егорушка, развѣ можно такъ напиваться? Вѣдь вы знаете, что портеръ для васъ настоящій ядъ...

— А если она вѣдьма?—съ пьяной логикой от-

вѣтилъ Бургардтъ, раскачиваясь на своемъ стулѣ.—Совершенно вѣдьма... Это такъ смѣшно.

— Очень смѣшно... Вы посмотрѣли бы на себя, въ какомъ вы видѣ сейчасъ. Ахъ, Егорушка, Егорушка...

— Да, совершенный ядъ... знаю... А у ней глаза дѣлаются совсѣмъ круглые, когда она сердится... Ха-ха! Какъ у кошки... Я этого раньше совсѣмъ не замѣчалъ...

Она подвинулась къ нему совсѣмъ близко, обняла одной рукой, а другой поднесла къ его носу флаконъ съ англійской солью. Онъ потянулъ знакомый острый запахъ, сморщился и засмѣялся. Ему нравилось, что она ухаживаетъ за нимъ, и поэтому онъ опять разсердился на котелокъ и даже погрозилъ кулакомъ внизъ, гдѣ по аллеямъ бродила публика. О, онъ бы показалъ этому негодяю такихъ ершей... Но сейчасъ онъ не могъ разсердиться по настоящему, потому что его шею обвила такая теплая женская рука, потому что пахло знакомыми духами, потому что въ моментъ опьяненія онъ любилъ чувствовать присутствіе хорошенькой женщины, которая позволяла капризничать. Да, какая хорошая эта Марина Игнатьевна, а Ольга Спиридоновна—вѣдьма съ круглыми кошачьими глазами...

— Марина, я васъ люблю... очень...

Она даже не улыбнулась, а только отодвинулась, потому что слышались шаги Ахмета.

Лакей подалъ бутылку содовой воды и пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Марина Игнатьевна сдѣлала ему знакъ головой, что онъ можетъ исчезнуть, а потомъ осторожно отмѣрила въ ста-

канъ двѣ капли нашатырнаго спирта, налила воды и изъ своихъ рукъ заставила выпить все.

— Вотъ такъ, Егорушка... И больше портера я вамъ не дамъ. Понимаете? Мы еще на пароходѣ поѣдемъ кататься... будетъ хоръ музыки... цыгане... А то Сахановъ завтра разнесетъ по городу: „Бургардтъ былъ пьянъ мертвецки“... Всѣ будутъ смѣяться. Пожалуйста, пейте осторожниѣе, а то обольете меня всю, какъ давеча Ольгу Спиридонову... Она вамъ этого никогда не проститъ. За каждое пятнушко на платьѣ она бьетъ свою горничную по щекамъ, а потомъ проситъ у нея прощенія.

Онъ молча поцѣловалъ ея руку, что заставило ее вздрогнуть и отодвинуться.

II.

Принятое лѣкарство подѣйствовало очень быстро. Бургардтъ выпрямился и встряхнулъ головой, какъ человѣкъ, проснувшійся отъ тяжелаго сна. Въ слѣдующій моментъ онъ удивился, что сидитъ на балконѣ *tête-a-tête* съ Мариной Игнатьевной, и проговорилъ:

— Хорошо...

Отвѣта не послѣдовало. Марина Игнатьевна облокотилась на барьеръ и смотрѣла на Неву. Она любила большую воду, которая нагоняла на нее какую-то сладкую тоску. И теперь она легонько вздохнула, поддаваясь этому смутному, уносившему въ невѣдомую даль, чувству. А какъ была сейчасъ хороша эта красавица Нева, разстилавшаяся живой блестящей тканью. Гдѣ-то въ

густой зелени противоположного берега мелькали, точно свѣтляки въ травѣ, огоньки дачъ, и такіе же свѣтляки быстро неслись по рѣкѣ. Налѣво Нева была перехвачена громаднымъ деревяннымъ мостомъ, точно деревяннымъ кружевомъ. И мостъ, и береговая зелень, и огоньки дачъ—все это отражалось въ водѣ, которая блестѣла и переливалась искрившейся чешуей, точно она была насыщена бѣлесоватой мглой бѣлой петербургской ночи.

— Ей Богу, хорошо...—проговорилъ Бургардтъ.

— Ничего нѣтъ хорошаго...—лѣниво отвѣтила она, желая поспорить.—Я вообще не люблю этихъ безлунныхъ бѣлыхъ ночей. Есть что-то такое больничное въ освѣщеніи... Да, именно такой свѣтъ бываетъ въ больницахъ, гдѣ окна съ матовыми стеклами.

— Сантиментальное сравненіе.

— Что же худого въ сантиментальности?

— Договаривайте: лучше, чѣмъ реализмъ... пьяный...

— Не спорю...

Она печально улыбнулась и замолчала. Онъ посмотрѣлъ на нее, и ему вдругъ сдѣлалось жаль вотъ эту самую Марину Игнатьевну, охваченную раздумьемъ своей собственной безлунной ночи. А, вѣдь, она красива и даже очень красива, красива по настоящему, красива настоящей породистой красотой. Одинъ ростъ чего стоитъ. А лицо, тонкое и выразительное, съ затаенной лаской въ каждомъ движеніи, съ безукоризненнымъ профилемъ дорогой камеи, съ живой рамой слегка вившихся, какъ шелкъ, мягкихъ русыхъ волосъ, съ

маленькимъ ртомъ—это была красавица, напоминавшая монету изъ драгоцѣннаго металла высокой пробы. Рядомъ съ ней Бургардтъ чувствовалъ себя мужикомъ. Да, настоящимъ русскимъ мужикомъ, къ которому по странной ироніи судьбы была приклеена нѣмецкая фамилія. У него и ростъ, и коренастый складъ всей фигуры, и широкое лицо съ окладистой бородой, и мягкій носъ картошкой, и широкій ротъ, складывавшійся въ продававшую всего человѣка добрую славянскую улыбку—все было русское, мужицкое.

Она точно почувствовала его добрыя мысли, улыбнулась, придвинулась къ нему совсѣмъ близко, такъ что ея голова касалась его плеча, и заговорила:

— Егорушка, вамъ хорошо сейчасъ?.. Рѣка... огоньки... кто-то живетъ вонъ на тѣхъ дачахъ... да?.. Можетъ быть, кто-нибудь кого-нибудь сейчасъ ждетъ, кто-нибудь страдаетъ, кто-нибудь радуется, кто-нибудь любитъ, тихо и безотвѣтно, какъ безотвѣтна вотъ эта нѣмая бѣлая ночь... У каждаго и свое горе, и своя радость, и каждый увѣренъ, что міръ созданъ только для него. А я хотѣла бы сидѣть вотъ такъ долго-долго... Пусть идутъ минуты, часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы, а я чувствовала бы себя спокойно-спокойно, какъ загипнотизированная...

Ея тонкіе пальцы перебирали его спутанные волосы. Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь такое ласковое, доброе, хорошее, что отвѣтило-бы ея сентиментальному настроенію.

— Марина, милая, если-бы вы знали...

Она быстро закрыла его ротъ своей рукой и строго проговорила:

— Егорушка, я не принимаю милостыни... Можно, вѣдь, и безъ этого. Я знаю, что вы меня не любите, и не огорчаюсь... А знаете, почему? Очень просто: вы не можете любить... у меня не можетъ быть счастливой соперницы...

— Это почему?

— Опять просто: вы состарѣлись, Егорушка, состарѣлись душой... Васъ слишкомъ баловали женщины, и вамъ *не чѣмъ* сейчасъ любить.

Бургардтъ засмѣялся. Марина умѣла быть умной какъ-то совсѣмъ по своему и притомъ совершенно неожиданно. Впрочемъ, такое умное настроеніе такъ-же быстро и соскакивало съ нея, какъ это было и сейчасъ. Марина Игнатьевна вздохнула и проговорила:

— А ваша Шура имѣетъ успѣхъ...

— Почему она моя, Марина?

— Я не точно выразилась: ваша натурщица, Егорушка. Конечно, это успѣхъ новинки... Красавинъ лишенъ способности увлекаться, какъ и вы, и ему нужно что-нибудь экстравагантное, острое, а у Шуры ему больше всего нравится дѣтское выраженіе ея глупаго личика.

— Да, Америка была открыта до нея...

— И знаете, Егорушка, мнѣ почему-то жаль ее, вотъ эту глупенькую поденку, какъ Сахановъ называетъ окружающихъ Красавина женщинъ. И вы виноваты, что толкнули ее на эту дорогу...

— Я?! Вся моя вина въ томъ, что Красавинъ видѣлъ ее у меня въ мастерской. Я больше ни-

чего не знаю... Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, наши сожалѣнія немного запоздали...

— Да, я видѣла, какъ давеча она пріѣхала въ коляскѣ Красавина... Вотъ въ такой коляскѣ ея гибель. Привязанности Красавина мѣняются съ такой-же быстротой, какъ и начинаются. Ахъ, какъ давеча Ольга Спиридоновна ѣла глазами эту несчастную Шуру... Рѣшительно не понимаю такихъ женщинъ. Не знаю, было у нея что-нибудь съ Красавинымъ или нѣтъ, но она такъ старается понравиться ему, а это губить женщину.

— У Ольги Спиридоновны своя психологія, Марина, и, какъ кажется, она не можетъ пожаловаться на судьбу.

— Да, но вопросъ въ томъ, чего требовать отъ судьбы?..

— Не больше того, что можетъ быть исполнено.

— Виновата, я, кажется, коснулась вашего больного мѣста, Егорушка: вы ухаживали за Ольгой Спиридоновной...

— Да?..

— А сейчасъ?

— Сейчасъ мое мѣсто старается занять Сахановъ, но, повидимому, безъ особеннаго успѣха.

— Вотъ кого я ненавижу отъ всей души!—подхватила Марина Игнатьева съ особеннымъ оживленіемъ. — Ненавижу и въ то-же время боюсь... Мнѣ кажется, что нѣтъ на свѣтѣ хуже человѣка, какъ этотъ Сахановъ... Вѣдь это онъ совращаетъ эту несчастную Шуру. Вы-бы послушали, что онъ ей говоритъ иногда...

— И я его тоже не люблю...

— Почему-же Сахановъ считается однимъ изъ самыхъ близкихъ вашихъ друзей, Егорушка?

— Моимъ другомъ онъ никогда не былъ, но онъ умный человѣкъ... Да, очень умный человѣкъ, а умъ—неотразимая сила, какъ и красота. Такъ мы сегодня ѣдемъ?

— Да... какая-то прогулка по взморью, потомъ на тони... Однимъ словомъ, цѣлый рядъ совершенно ненужныхъ глупостей. Ахъ, какъ мнѣ все это надоѣло, Егорушка!

— Чего-же мы ждемъ? Кажется, уже пора...

— Не знаю... Вѣроятно, готовится какой-нибудь неожиданный сюрпризъ. Я это подозреваю... Должно быть, Васяткинъ что нибудь придумалъ. Онъ давеча о чемъ-то шептался съ Сахановымъ, а потомъ исчезъ. Вѣдь они изъ кожи лѣзутъ, чтобы выслужиться передъ Красавинымъ. Гадко смотрѣть... Послушайте, намъ пора вернуться, а то Ольга Спиридоновна воспользуется случаемъ наговорить по моему адресу Богъ знаетъ что. Она, вообще, преслѣдуетъ меня...

Бургардтъ настолько оправился, что вернулся въ кабинетъ почти трезвымъ.

— А гдѣ-же ваша сестра милосердія?—спросила Ольга Спиридоновна, сладко улыбаясь.

— Какая сестра милосердія? Ахъ, да... Вы спрашиваете про Марину Игнатьевну — она сейчасъ должна вернуться. Мы съ ней гуляли въ саду...

— Прогулка молодыхъ людей, подающихъ надежды?

— Именно...

Появленіе Антипа Ильича Красавина въ „Кружалъ“ составляло цѣлое событіе, что чувствова-